

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

К 100-летию со дня рождения А. А. Любищева

М. Д. Голубовский,

доктор биологических наук

Ленинградский отдел Института истории естествознания и техники АН СССР

Имя Александра Александровича Любищева, крупнейшего энтомолога и систематика, яркого сторонника математизации биологии и философа стало достаточно популярным не только в среде биологов. Книга Д. Гранина «Эта странная жизнь», выдержавшая с 1974 г. более 10 изданий и переведенная на несколько иностранных языков, познакомила широкий круг читателей с жизнью и творчеством этого замечательного ученого. И наш журнал не раз обращался к яркой неординарной личности А. А. Любищева¹. Поэтому нет особой нужды рассказывать о биографии ученого и о его научном творчестве, оценка которого была и до сих пор остается неоднозначной. И это естественно. Ведь отличительной чертой Любищева был его острый философский критицизм. Все, кому приходилось общаться с Любищевым, помнят его как блестящего оппонента, не имеющего полных единомышленников даже среди близких ему по духу людей. Занимая позицию антидарвиниста, он во многом соглашался с Ч. Дарвином, одновременно критиковал номогенез Л. С. Берга, теорию которого в целом поддерживал. Но не это было самым главным в его жизни. Главным был поиск и отстаивание истины, и в науке, и в жизни. Яркое подтверждение тому — позиция Любищева в борьбе против монополии Лысенко. Этой мало известной стороне деятельности А. А. Любищева и посвящена наша публикация.

¹ См. в «Природе»: Любищев А. А. Значение и будущее систематики (1971. № 2. С. 15—23); Мейен С. В., Шредер Ю. А. Биологические парадоксы А. А. Любищева (1973. № 10. С. 38—42), Любищев А. А. Понятие номогенеза. Дарвинизм и недарвинизм (С. 42—48); Б. С. Кузин и А. А. Любищев о систематике. Скворцов А. К. Давняя дискуссия и современность (1983. № 6. С. 74—77); Из переписки Б. С. Кузина и А. А. Любищева (С. 77—87); Из переписки А. А. Любищева и П. Г. Светлова (1986. № 8. С. 90—100); Из переписки С. В. Мейена и А. А. Любищева (1990. № 4. С. 72—89.).

Кто за честь природы фехтовальщик?

О. Мандельштам

ЛЮБИЩЕВ относится к блестящей плеяде русских биологов, становление которых пришлось на начало XX в.—пик расцвета русской культуры. Его главные интересы лежали в области теории эволюции, систематики и морфологии, биометрии¹. Напряженная творческая работа, несмотря на удары «века-волкодава» продолжалась до конца жизни. Отвечая в 1960 г. на поздравление с 70-летием, Любищев писал П. Г. Светлову: «Сейчас я потратил много времени и труда на знакомство с Галилеем и Коперником, с Ньютоном я и раньше был знаком. Остались еще Кеплер и Бруно. В первой половине 1962 года надеюсь кончить астрономию, может быть, теоретическую механику, потом будут физические проблемы,

и в 1963 году надеюсь приступить к биологии, что займет, конечно, 2—3 года, а затем 2—3 года должно занять значение философии в этике и эстетике, религии, социологии и политике»². В такие глубины вводила поставленная еще в молодости сверхзадача: найти законы, управляющие биологическим разнообразием, и разработать принципы теоретической биологии. У Любищева сложились особые отношения со временем, оно скрупулезно учитывалось как дар, возможность творчества.

И все же он считал своим долгом ученого и гражданина вступить в борьбу за науку и «возвысить голос против монополии, установленной в биологии Лысенко и его сторонниками». В этом выборе были мужество и драматизм. Замысел был глубок: проанализировать не только практические дея-

© Голубовский М. Д. Противостояние.

¹ Любищев А. А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. М., 1982. С. 278.

² Ленинградское отделение Архива АН СССР (ЛО ААН). Ф. 1033. Оп. 3. № 69.

Александр Александрович Любичев (5.IV 1890—31.VIII 1972)

Фото В. С. Шустова.

ния и «достижения» Лысенко, его теоретические положения, но также социальные и философские причины торжества лысенковщины и «мичуринской биологии».

ЛЫСЕНКОВЩИНА КАК СОЦИАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ

Слово «казенщина» лишь в слабой степени отражает ситуацию, сложившуюся в 20-е годы. Еще недавно казалось, что лысенковщина — нечто уникальное для советской науки и культуры, касается лишь биологии, результат случайного захвата власти в ней малокультурным фанатиком Лысенко. Теперь очевидно, что уже задолго до воцарения Лысенко, в конце 20-х годов произошла «фронтальная деструкция культуры и социогуманитарной мысли», а место философии занял суррогат веры, «невежественно-агрессивный по отношению к общечеловеческой культуре и атмосфере свобод-

ного научного поиска»³. Если в начале 20-х годов из страны выслали более 200 ученых-гуманитариев, то к 30-м годам были разгромлены целые научные направления и репрессированы их творцы. В отряд репрессированных наук попали социология и теория кооперации, демография, психология и педология, история.

«Я знаю, вы не дрогнете, сметая человека. / Что ж, мученики догмата, вы тоже жертвы века», — писал Пастернак в конце 20-х годов. Но «мученики догмата» одновременно были мучителями. Для них наука представлялась не самоценной областью человеческого духа, а лишь элементом построения их модели социализма. И, стало быть, наукой (или искусством и культурой вообще) нужно и можно руководить, управ-

³ Филатов В. П. // *Вопр. философии*. 1988. № 8. С. 3—23.

лять, как добычей полезных ископаемых или черной металлургией.

В итоге произошло полное подчинение (отождествление) философии идеологии, а последней — подчинение конкретным злободневным целям аппарата административной системы и идеалу этатизма (государства как высшей ценности)⁴. Истина и указания «вождя и учителя всех народов» стали синонимами. Уже в 30-е годы В. И. Вернадский констатировал пагубное для научной мысли положение, когда взгляды «философов-материалистов, значение которых в современной философской мысли в мировом ее охвате невелико», не будучи никогда систематически изложены, стали государственной философией. Отклонение от них признавалось ересью и жестоко каралось. Место философии заняли, по словам Вернадского, «словесный талмудизм и формальная схоластика», создалось «новое развращение мысли»⁵.

В соответствии с этим диагнозом вся социокультурная среда уже в конце 20-х годов оказалась пораженной тяжким недугом. В биологии этот синдром получил название лысенковщины. После сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г. даже молчаливое несогласие со взглядами Лысенко, с «мичуринской биологией» стали наказуемыми. Открытое же неприятие официально утвержденных взглядов Лысенко требовало подлинного мужества. Период господства лысенковщины в биологии поставил своего рода «грандиозный эксперимент по социальной психологии, подлежащий серьезному изучению»⁶. Эксперимент выявил границы прочности моральных устоев людей и спектр поведения научного сообщества в условиях стресса.

Стенограмма сессии ВАСХНИЛ 1948 г. показывает, на какую моральную деформацию вынуждены были идти биологи. Тем более следует оценить мужество тех ученых, кто не только не признал публично «мичуринскую биологию», но и решился на ее критический анализ в период ее господства. Так, известный советский генетик В. П. Эфроимсон, недавно ушедший из жизни, в 1947 г. перевел с английского резко критическую статью Ф. Г. Добржанского против Лысенко и рассказывал о ней на лекциях для студентов биофака Харьковского университета. Ко-

миссия Минвуза во главе с А. В. Топчиевым (будущий главный ученый секретарь Президиума АН СССР в 1950—1959 гг. и вице-президент в 1960—1963 гг.) изгнала Эфроимсона из университета «за поступки, порочащие высокое звание преподавателя высшей школы». Его докторская диссертация, успешно защищенная и утвержденная ВАКОМ в 1947 г., была задержана; степень доктора была присуждена автору только спустя 15 лет. Изгнанный с работы ученый посылает в ЦК КПСС докладную записку об ущербе, наносимом биологии и сельскому хозяйству распространением идей и методов Лысенко. В 1949 г. следует арест и заключение в концлагерь в Казахстане до 1955 г. Отбыв заключение, Эфроимсон снова вступает в борьбу, посылая антилысенковский трактат зам. Генерального прокурора СССР⁷. В 1956—1958 гг. он публикует серию антилысенковских статей в «Бюллетене МОИП». Такова была судьба всех выступлений против «единственно верного учения».

«ЛЫСЕНКИАНА» ЛЮБИЩЕВА

В противостоянии лысенковщине научно-публицистическая деятельность А. А. Любищева занимает особое место.

Первая статья, «Об араччевском режиме в биологии», набросок всей программы, была написана уже летом 1953 г. К 1964 г. «лысенкиана» Любищева насчитывала несколько книг, полтора десятка статей и серию открытых писем в редакции журналов и газет. Прочтя рукопись расширенного варианта книги Ж. А. Медведева «Биологическая наука и культ личности»⁸, Любищев писал ему 31 августа 1964 г.: «Эта вторая редакция — большой шаг вперед по сравнению с первой. Вещь, конечно, превосходная и по эрудиции, и по документальности, и по ясности изложения. Но что для меня всего удивительнее? И я написал о том же предмете около 800 страниц. Вы в основном

⁷ Эфроимсон В. П. // Вопр. истории естеств. и техн. 1989. № 1. С. 79—93; № 2. С. 132—147. В предисловии к этому обвинительному трактату против лысенковщины В. В. Бабков пишет: «В. П. Эфроимсон объяснил этот поступок своей мыслью (которую нельзя не признать наивной), что прокуратура произведет экспериментальную проверку законов Менделя, убедится в их справедливости и, таким образом, лысенковцы лишатся государственной поддержки».

⁸ Очерки по «Истории биологической дискуссии в СССР» Ж. А. Медведева, написанные в 1961—1962 гг. (дополнения в 1963—1964 и 1966—1967 гг.), распространялись в научной среде по типу «самиздат», но, несмотря на падение Лысенко в 1965 г., так и не вышли в свет в СССР. Лишь в 1989 г. были опубликованы небольшие фрагменты (Книжное обозрение. № 6. С. 4—5; Энергия. № 7. С. 29—35).

⁴ Ахундов М. Д., Баженов Л. Б. У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. № 2. С. 90—102.

⁵ Вернадский В. И. // Вопр. истории естеств. и техн. 1988. № 1. С. 71—80.

⁶ Александров В. Я. // Знание — сила. 1987. № 10. С. 72—80; № 12. С. 50—58.

писали независимо от меня. Общая оценка совершенно совпадает, но мы почти не повторяем друг друга, разбирая в общем разные стороны одного и того же весьма скабрёзного явления (есть еще поэтическая сторона того же вопроса в поэме «Космонавт» — великолепная вещь, знакома ли она Вам?). У Вас гораздо шире в смысле охвата разнообразных сторон биологии, очень много и основательно — чисто юридическая сторона и этический аспект. У меня эти последние стороны затронуты вскользь, но зато есть и критика Мичурина, и изложение вопросов так называемого вейсманизма-морганизма, которых у Вас нет. Не знаю, читали ли Вы мою заключительную часть «Что стоит Лысенко». Я приведу полный список моей лысенкианы в конце...⁹

Из всей «лысенкианы» при жизни Любищева опубликовать ничего не удалось¹⁰. Критическая статья «Несколько замечаний по методике опытного дела» была в середине 50-х годов заказана редакцией «Ботанического журнала», одобрена, но потом отвергнута как неподходящая по «профилю». «Получается,— писал Любищев в том же письме к Ж. Медведеву,— как в известном анекдоте — один завидный жених, долго ухаживавший за девицей, просил посмотреть ее в натуральном виде, ввиду возможности скрытых пороков, а когда увидел, сказал, что ему не нравится форма ее носа. Такой анекдот типичен для советских редакций».

Горьковатая и чуть солоноватая шутка типична для Любищева, находившего в своей родословной «ген гиларизма» в сочетании с «геном оптимизма». Любищев продолжал лысенкиану и после падения Лысенко в 1964—1965 гг.¹¹

Итак, Любищев вступил на путь противостояния лысенковщине на всех уровнях административной системы. Он посылает свои статьи в верхние этажи власти и руководству наукой, пытается «прочистить» информационные каналы, по которым распространяются ложь и фальсификация, взывает к авторитетам в научном и культурном обществе, посылая открытые письма.

⁹ ЛО ААН. Ф. 1033. Оп. 3. № 503.

¹⁰ Список, составленный самим Любищевым, состоял из трех разделов: основная работа «О монополии Лысенко в биологии», разделенная на 5 больших глав (по существу, книга), написанных в 1953—1958 гг.; в основном статьи и письма в редакции газет и журналов, письма Н. С. Хрущеву и ряду писателей; статьи, косвенно связанные со спорами в биологии.

¹¹ В 1965 г. в жанре историко-научной публицистики были написаны две замечательные статьи: «О положении в биологии и агрономии» и «О двух статьях по генетике», в которых критикуется упрощенный подход к истории науки (в частности, генетики) со стороны «победителей».

ВЫБОР

Вступив на этот путь, Любищев должен был устоять перед тремя искушениями: долг перед наукой, соблюдение идеологической территориальности, опасность «двух лагерей» или клановых симпатий. В этом смысле Любищев — уникальное явление в советской науке.

О первом искушении писала Н. Я. Мандельштам (с которой Любищев оказался в начале 50-х годов вместе в Ульяновске) в ответ на посланную ей первую антилысенковскую статью, пытаясь удержать Любищева от растрачивания таланта на борьбу с лженаукой и воинствующим невежеством (не правда ли, тема весьма актуальная и ныне): «Я говорю свое "Не надо" с других позиций. Самое убедительное для меня в Вашем письме — это то, что Вы ощущаете свое молчание как болезнь, что оно, в сущности, и есть причина болезни. Это прекрасное мужское свойство, которое я не раз наблюдала. Я видела, что мужчины — очевидно, люди с более глубокой социальной совестью, чем мы — бабье,— всегда болели, а часто и умирали, если не могли говорить о своей науке или искусстве того, что велела им совесть. Но мне жаль многих тех, которые не во время начинали... Я хочу, чтобы первые заговорили молодое поколение. Я хочу, чтобы это страшное мужское сознание долга было менее социальным. Ведь есть у Вас долг перед наукой (в более глубоком смысле социальный), который заставляет Вас сидеть у микроскопа, писать статьи о науке (пусть сейчас лысенковцы не дают их печатать), собирать и накалывать на булавки новые материалы. Есть два долга. Один — наука, другой — ответственность за те формы, которые получает данная отрасль данной науки в настоящую историческую минуту. Я не уверена, что второй долг серьезнее первого. Решает ведь первое. Именно первое — открытие, событие, находка — сметает второе... Я бы никогда не говорила "не надо" о проблемах первого пути — от долга я бы никому не сказала, что можно уклониться. Но во втором я уверена. Может, правы ваши академические друзья, которые решают свои непосредственные задачи. Может, это и есть прямой путь. Я не знаю, что сказать. Но первый путь — самое главное. Что делать?»¹²

Но Любищев свой нелегкий выбор сделал. И здесь его ждало второе искушение: затрагивать ли только научную сторону дела

¹² ЛО ААН. Ф. 1033. Оп. 2. № 97.

или анализировать все стороны лысенковщины, включая систему, которая ее породила. Дело в том, что идеократия, сложившаяся в 30-е годы, позволяла ученому относительную свободу творчества строго в рамках своей профессии, но сурово пресекала философское инакомыслие. Во всех рассуждениях на общие темы и дискуссиях требовалось произносить ритуальные фразы о верности «единственно верному учению».

Были ли исключения? Пожалуй, лишь И. П. Павлов, получив в самом начале революции «индальгенцию» от Ленина, позволял себе устное и письменное несогласие с введением единомыслия. Так, в 1935 г. он писал в Совнарком: «А введен в устав академии параграф, что вся научная работа академии должна вестись на платформе учения о диалектическом материализме Маркса — Энгельса — разве это не величайшее насилие над научной мыслью? Чем это отстает от средневековой инквизиции?»¹³.

Любищев продолжил традицию свободомыслия русской интеллигенции, отбросив рамки идеологической территориальности. В этом была особая отвага. Все-таки Павлов — нобелевский лауреат, мировая величина. А официальный статус Любищева — провинциальный профессор. Трудно сказать, кто, кроме него, мог с такой внутренней свободой и достоинством писать в ЦК КПСС следующее: «Я к партии сыновних чувств не питаю, хотя был момент гражданской войны, когда я чуть-чуть не вступил в партию. Я питаю сыновние чувства к более длительным организациям: России, общечеловеческой культуре и всему человечеству... По отношению ко многим честным членам партия в сталинские времена оказалась подобной даже не мачехе, а матери, пожирающей собственных детей или убивающей их. Этого ни забыть, ни простить нельзя» (это написано в 1957 г.)¹⁴. В другом письме к В. П. Орлову Любищев касается официальной философии, которая пользовалась привилегией неприкосновенности: «Из того, что они только через 30 лет стали в порядке исключения признавать, что Лысенко — шарлатан, ясно, что пользы от нашей философии для науки нет. Из-за этого и чрезмерной гипертрофии "советского духовенства" и "советского богословия" надо все это порядком сократить и допустить возможность разнообразия

мнений. Вот ярлык "идеализм" в смысле равноценном "виновен", надо полностью выкинуть в мусорный ящик истории. Идеализм — почтенное направление в философии, подавляющее большинство философов (а среди крупнейших, пожалуй, все без исключения) были идеалистами»¹⁵.

Любищев, как и Вернадский, был принципиальным сторонником научного и духовного плюрализма, сосуществования и взаимодействия разных потоков философской мысли. В области биологии он причислял себя к виталистам, понимая под витализмом прежде всего принципиальное признание особого уровня организации, особых законов, не сводимых к физике и химии. Догматическое представление о «двух лагерях» в философии неизменно вызывало отвращение Любищева, и он в пику казенщины принял на себя роль «воинствующего идеалиста». Типичен такой забавный эпизод. После одного из докладов Любищева в Московском обществе испытателей природы в 60-е годы один из молодых слушателей опасливо спросил, не попахивают ли взгляды докладчика идеализмом. На что последовала быстрая реплика: «Попахивают? Да я, молодой человек, идеалист с 1918 г.!» Вечный плюрализм философской мысли, множество пересекающихся ее потоков — такова была желанная для Любищева картина миропонимания.

Он полагал, что нет какого-то единого монолитного направления — идеализм. Объективный идеализм относится к онтологии, субъективный — к гносеологии. И поэтому можно быть (как К. Пирсон) гносеологическим идеалистом, а в области онтологии — материалистом. В биологии неперемным атрибутом материализма и его официальной версии считается абиогенез: возникновение жизни на земле из косной материи. Вернадский же исповедовал вечность жизни, т. е. был на этом уровне онтологическим идеалистом. Быстрый рост науки в XX в. сопровождался доминированием материалистической онтологии. Но одновременно выявились и огрехи в абсолютизации такого подхода. Ибо зачастую агрессивно или пренебрежительно воспринимался поиск и исследование феноменов, явлений, материальная основа которых в данное время совершенно неясна. А если нет «механизма», неясен материальный субстрат, то верные материалистической онтологии исследователи склонны отрицать или не замечать само явление, несмотря на множество фактов.

¹³ Переписка академика И. П. Павлова с В. М. Молотовым // Сов. культура. 1989. 14 янв.

¹⁴ «Неприлично молчание мне» (Из переписки профессора А. А. Любищева с инструктором ЦК КПСС В. П. Орловым. 1956—1971) // ЭКО. 1988. № 2. С. 97—123; № 3. С. 144—168.

¹⁵ Там же.

Вот лишь один пример из области генетики. С идеей постоянства и точной локализации генов связаны очевидные успехи хромосомной теории наследственности. Однако уже на заре становления генетики были известны случаи сверхвысокой изменчивости, нестабильности некоторых генов. Для их объяснения Б. Мак-Клинтон выдвинула в конце 40-х годов идею, что эта нестабильность зависит от особого рода подвижных элементов, которые способны с большой частотой перемещаться в разные участки хромосом. Материальная природа «прыгающих генов» была неизвестной, факты и сама идея считались четверть века каким-то курьезом, досадным пятном на фоне лавины успехов. В 80-е годы это «облачко» дало начало новой подвижной генетике и общебиологической проблеме непостоянства генома, а Мак-Клинтон стала лауреатом Нобелевской премии¹⁶.

Любищев считал допустимыми любые онтологические подходы, дающие возможность ясного описания явления. В ответ на возражение, что такого рода онтология идеалистична, ведет к допущению в науку чего-то непознаваемого, таинственного или мистического, он приводил примеры из истории науки: «Вызывали протест введение отрицательных чисел, иррациональных чисел, мнимых чисел. Мнимые числа прямо называли мистическими. Сейчас комплексные числа потеряли всякую таинственность: это просто векторные числа, имеющие направление... Что значит "непознаваемый", противоречащий здравому смыслу, непонятный? Таким является тяготение (тело действует там, где его нет), вечные неизменные атомы (таких в природе мы не встречаем), второй закон термодинамики вместе с признанием вечности мира и т. д. Но мы привыкаем ко всему этому и делаем вид, что они нам понятны»¹⁷.

В государственной философии тезис «сознание вторично, материя — первична» считался не подлежащим обсуждению. Этот догмат вызывал раздражение Любищева: «Разве сознание — не особый сорт бытия? Реально все вне моего сознания и независимо от моего сознания, но, например, твое сознание независимо от моего сознания, значит, для меня оно материя, а мое сознание — материя для тебя, значит, и сознание — тоже материя»¹⁸.

Драматизм положения Любищева со-

стоял в том, что он вступился за биологию и генетику, в которых абсолютное большинство честных ученых под мощным давлением официальной идеологии и фразеологии не делали разницы между противопоставлениями типа «научный — ненаучный» и «материализм — идеализм». Ведь слово «идеализм» было не только синонимом ненаучного, но и реакционного, враждебного, классово чуждого. Спустя две недели после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. вся система преподавания биологии в СССР была разгромлена. Министром высшего образования СССР С. В. Кафтановым 23 августа 1948 г. в одночасье были уволены или отстранены от преподавания сотни профессоров и преподавателей высшей школы.

Но вот парадокс. В отрицании с порога всего идеалистического и Лысенко с клеветами, и большинство его противников-биологов сходились. Обвинение в идеализме бросалось друг другу обеими сторонами.

Открытое выражение своих философских и общебиологических взглядов в период господства «единственно верного учения» ставило Любищева в положение заблудшего, отставшего от жизни ученого-чудака, юродивого, белой вороны. Идеализм Любищева оказался своего рода «охранной грамотой», которой пользовались шуты, позволяя себе говорить всю правду королю. Так Сталин не разрешал трогать «небожителя» Пастернака.

Третье искушение, которое преодолел Любищев, — клановая групповая этика, когда весь мир делится на своих и чужих, и в интересах победы над «чужими» надо не замечать грехов «своих». Любищев вполне следовал этическому принципу своего любимого поэта А. К. Толстого — «двух станов не боец», «спор с обоими мой жребий тайный». Не каждый, кто противостоит дьяволу, есть ангел, воплощение добра и истины. Если, по терминологии Любищева, лысенковщина — смесь фальсификации, клеветы и невежества, то отсюда вовсе не значит, что противники Лысенко не подлежат критике из тактических соображений. Любищев расходился с современной ему генетикой по ряду важных положений (проблема наследования признаков, приобретенных в ходе онтогенеза, роль отбора в эволюции, природа целесообразности, принципы построения систематики и т. д.). Но это не помешало ему решительно выступить за генетику и против профанации науки Лысенко и его окружением. При этом он не скрывал своих расхождений с теми, за кого вступался. Независимость духа, честность особо привлекательны в творчестве Любищева.

¹⁶ Хесин Р. Б. Непостоянство генома. М., 1984. Лауреаты Нобелевской премии 1983 года // Природа. 1984. № 1. С. 98—100.

¹⁷ ЛО ААН. Ф. 1033. Оп. 3. № 69.

¹⁸ Там же.

В борьбе с засильем лысенковской идеологии Любищев пришел к грустному выводу, что советская наука деформировалась под прессом идеологизации, а мировоззренческий монизм на фоне материалистической онтологии принимает подчас агрессивные формы. «Явление лысенковщины, сколь оно ни одиозно, на самом деле есть лишь эпизод в более серьезном конфликте между истинным свободомыслием и той или иной формой догматизма. А догматизм возникает на почве чрезмерной самоуверенности и нетерпимости, на основе экстраполяции полезных взглядов за пределы их приложимости»¹⁹. Занимаясь систематикой и теорией эволюции, Любищев считал, что в природе действует принцип: **единство целого при свободе частей**. Таков же идеал гармоничного общества. И всякий раз, когда свобода частей (направлений в науке и философии и т. д.) подавлялась, Любищев как «отважный фехтовальщик» вступался за честь природы.

«КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ...»

Почти все статьи и письма Любищева в защиту науки остались неопубликованными. Но это не значит, что его самоотверженная деятельность по очистке «авгиевых конюшен» прошла бесследно. Реакция на нижних и верхних этажах власти была разной. Ульяновский обком, руководители педвуза и местной прессы организовали настоящую травлю. В ЦК КПСС он встретил вежливый прием и желание получать информацию «наверх». Инструктор ЦК КПСС В. П. Орлов, которому Любищев посылал свою «лысенкиану», осознав масштаб его личности, поддерживал его, перепечатывал антилысенковские статьи, знакомил с ними лиц, причастных к руководству наукой.

Статьи Любищева распространились в научном сообществе через «самиздат» не только среди биологов. В числе адресатов были математики и физики (А. А. Ляпунов, И. Е. Тамм, В. Я. Френкель, Р. Г. Баранцев, О. М. Калинин), историки (И. Д. Амосин и Л. М. Глускина), литераторы (Н. Я. Мандельштам и Г. А. Велле).

Многие свои эссе и письма Любищев посылал академику И. Е. Тамму, который называл его непревзойденным мастером эпистолярного жанра. Тамм пользовался большим авторитетом и влиянием в кругах физиков и математиков. С ним Любищев

познакомился еще в 1919 г. в Таврическом университете. Тамм писал Любищеву, что нелепость основных положений и алогизм Лысенко для него очевидны, но неясно, были ли «хотя бы в сравнительно отдаленном прошлом какие-либо существенные достижения в области агрономии, или и этого нет и не было. Несмотря на огромность, причиненного им вреда, этот вопрос не лишен значения»²⁰. После прочтения книги Любищева «Что стоит Лысенко» и длительных бесед с ним Тамм, как и его ученик А. Д. Сахаров, занимали бескомпромиссную антилысенковскую позицию в Академии наук. В середине 50-х годов Тамм вместе с И. В. Курчатовым организовали в Институте атомной энергии семинар по современной генетике. Этот семинар стал центром возрождения генетики.

Но есть еще более глубокий уровень, на котором может быть оценено значение деятельности Любищева в защиту науки. «Благодаря Любищеву,— писал в 1977 г. С. В. Мейен,— я понял, как тесно связана повседневная исследовательская практика с глубочайшими философскими проблемами, что философия не общее рассуждение (как общие выводы в школьном сочинении) после того, как работа окончена, а стратегия самого исследования, стратегия мышления... Он взял эстафету и передал ее. Мы взяли что-то у него и понесем дальше. Думаю, что та линия, которую он поддерживал и постарался передать другим — одна из наиболее ценных в человеческом разуме (я бы назвал ее критическим реализмом)»²¹.

От страшного погрома, который претерпела наука как социальный институт, ей предстоит возрождаться долгие годы. Должны смениться научные поколения. Поэтому статьи и письма Любищева, а также уроки его самоотверженной деятельности в защиту науки и свободомыслия остаются актуальны. В 1952 г. Любищев формулирует свой основной постулат этики: «Способствуя победе над материей, мы одновременно осуществляем лозунг: жить согласно истинному смыслу природы». Этот постулат по существу совпадает с идеями В. И. Вернадского о переходе эволюции природы к состоянию ноосферы, где ведущая роль принадлежит человеческому разуму. Только следуя этому этическому и философскому принципу, можно достичь подлинного возрождения и создать свободное общество, достойное Homo sapiens.

²⁰ Там же.

²¹ Ответ С. В. Мейена на вопросы анкеты философа Ю. В. Линника.